

**В.И. СУПРУН, Р.И. КУДРЯШОВА,  
Е.В. БРЫСИНА**  
(Волгоград)

**ДОНСКАЯ КАЗАЧЬЯ  
ЛИНГВОКУЛЬТУРА  
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б.П. ЕКИМОВА:  
К ЮБИЛЕЮ ПИСАТЕЛЯ**

*Рассматривается отражение особенностей лингвокультуры донских казаков в творчестве современного русского писателя Б.П. Екимова. Анализируются фрагменты текста (текстемы), насыщенные лингвокультурным содержанием, отражающие актуальные, значимые для диалектоносителей представления об окружающей действительности. Характеризуется роль творчества Б.П. Екимова в развитии диалектной лексикографии.*

Ключевые слова: произведения Б.П. Екимова, лингвокультура, донской казачий диалект, текстема, объемный неделимый контекст, жизненные ценности.

Прекрасный русский писатель Борис Петрович Екимов, наш земляк, в ноябре этого года отмечает юбилей. Его творчество заставляет нас еще раз убедиться в том, что подлинная русская литература не может пренебрегать народным словом, что опора на народную речь для писателя становится тем стержнем, вокруг которого естественным образом разрастается ткань художественного текста, писательское слово становится ясным, открытым, естественным, ненатужным. Сам Борис Петрович 14 мая 2013 г. в интервью в связи с 30-летием со дня кончины Фёдора Александровича Абрамова (1920–1983) говорил: «Для меня Федор Абрамов – еще и хранитель русского языка. Некоторые упрекали его за диалектизмы – дескать, не всем они понятны. Но диалектизмы – часть русского языка. Река не может быть прямым руслом, прямое русло – уже не река, а канал. А река – это русло, а еще – притоки, ручьи, старицы, плесы, перекаты, займищные озера. И любой язык, русский в том числе, обогащается, ширится родниками народного говора. Федор Абрамов – один из тех, кто сохранил для нас это богатство. И за это

я тоже ему благодарен» [10]. Эти слова писателя перекликаются мыслями известного русского историка языка и лексикографа И.И. Срезневского: «В каждом народном языке, в каждом местном наречии есть сила неосвязаемая и, тем не менее, мощная, сосредоточивающая в себе все другие силы. Это дух народности. Он один и тот же, только с оттенками во всех краях земли» [20, с. 114].

Биография Б.П. Екимова заставляет задуматься о том, как, когда, каким путем народная речь входит, впитывается в человека, становится для него необходимой, формирует мысль, строит предложение, становится неизбывным элементом высказывания, а для писателя – художественного текста. Во всех биографиях Бориса Петровича упоминается, что он родился в северном городе Игарке. Но мало в каких источниках сообщается, что там, на севере Красноярского края, он и года не прожил, с 1939 г. после смерти отца его семья переехала в Иркутск, а еще через год – в Казахстан, где Боря начал строить свою речь на родном языке. Только в 1945 г. Екимовы приехали на Дон, поселились в уютном городе Калаче.

И здесь донская речь впиталась в языковое сознание мальчика. И вошла она настолько прочно, что ее не уничтожили, не разрушили, не смыли ни служба в армии, ни разъезды по стране (а будущему писателю пришлось поработать на стройках в Казахстане и в Тюменской области, токарем, наладчиком, слесарем, электромонтером на заводе, учителем труда в сельской школе), ни частые отлучки в Москву, ни учеба на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А.М. Горького.

Донской край, обильный на яркое, сочное слово, пробудил в мальчике внимание к народной речи, но формирует языковое сознание ребенка семья. Его мать и тетушка Нюра заложили в Боре любовь к художественному тексту, к русской литературе, к классике, не ведая таких высоких слов: «Бабушка моя, вятская крестьянка Евдокия Сидоровна, в школе не училась, грамоты не знала, но дочери ее, моя мать и тетушка, услышали, запомнили и при случае повторяли до веку суровой зимой: “Мальш уж отморозил пальчик... – это мамочка наша всегда говорила”. Или другое: “Зима не-

даром злиться, прошла ее пора... Полюбуйся, весна наступает... – это мамочка наша...”. Воистину так: не Пушкин, не Тютчев, но “так говорила мамочка”, которая грамоте не разумела, но была хранителем Слова, передавая его детям» [6]. Бабушка умерла в 1920 г., задолго до рождения Бори, но память о ее языковом и культурном опыте передавалась в семье: «Наша мамочка», моя бабушка, Евдокия Сидоровна, а по жизни просто Дуня Крысова, умерла от тифа в Гражданскую войну, тридцати лет от роду. Но дочери помнили ее всю жизнь: «Наша мамочка...» («По законам старого дома»). Так, из соединения образцов высокой литературы в ее бытовом, домашнем цитировании и ежедневного приобщения к донским неповторимым словам и оборотам на улицах Калача и родилось то, что впоследствии стало особым екимовским стилем.

Именно за этот стиль, за сохранение народного языка Б.П. Екимов был отмечен многими литературными премиями. Премия Солженицына была ему вручена «за остроту и боль в описании потерянного состояния русской провинции и отражение неистребимого достоинства скромного человека; за бьющий в прозе писателя источник живого народного языка». Александр Исаевич лично охарактеризовал соискателя премии: «В последние десятилетия, когда, кажется, само существование русской деревни выпало из нашего поля зрения, не говоря уж об окомее искусства, – Борис Екимов вошел в литературу новым писателем – “деревенщиком”. Во множестве ярких рассказов и очерков Екимов рисует мало кому знакомую обстановку нынешней сельской местности с ее новым бытом, манящими возможностями и крутыми угрозами. Этот живой поток екимовских картин, раздвигая наши представления о непростой жизни сегодняшней деревни, помогает восстановить, хотя бы мысленно, единство национального тела. А уж как интересно послушать суждения из донской глубинки – о событиях новейших». Написаны были эти строки в феврале 2008 г., за полгода до кончины А.И. Солженицына, они стали его своеобразным завещанием, на которое Б.П. Екимов откликнулся новыми произведениями, напечатанными в московских и провинциальных журналах. И во всех рассказах звучит мысль о человеческой доброте и памяти: *«Не растеряй в длинной жизни своей эту детскую доброту и долгую человечью память («Не забудь»).*

Все новые рассказы и повести писателя насыщены народной речью, поэтому нас, диалектологов, снова ждет увлекательная работа – выписывать из текста диалектные единицы, размышлять над их значением и окраской, включать их, вероятно, в новое издание Словаря донских говоров Волгоградской области. Ведь народная речь неисчерпаема, она постоянно рождает все новые и новые диалектные жемчужины, а писатель, душа и совесть народа, вслушивается в эту речь, фиксирует слова и речения в своих произведениях, развивая и обогащая язык русской литературы, общенародный русский язык.

Слова и фразеологические единицы являются носителями не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации; они аккумулируют социально-историческую информацию, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную, общегуманистического и конкретно-национального характера [1; 3; 4; 13]. Даже те единицы, которые легко переводятся на другие языки, скрывают в своем значении национальный образ мышления, традиции лингвокультуры, разнообразные коннотативные приращения. Х. Ортега-и-Гассет обращал внимание на то, что «в испанском языке лесом называется нечто совершенно иное, чем то, что соответствует немецкому Wald» [16, с. 338]. Так, и слово *школа*, обозначающее явление, распространенное у всех народов, во всех языках, и имеющее главную дефиницию ‘учебное заведение, которое осуществляет общее образование и воспитание’ [11, т. 3, с. 877], в каждой из лингвокультур наполняется дополнительной семантикой и эмоционально-оценочными параметрами, отражающими национальные традиции, образ жизни народа, перемены в общественном укладе. Социальные изменения преломляются в коннотативных и фоновых семах слова.

В рассказе Б.П. Екимова «Пиночет» лексема *школа* отмечена 11 раз. Сюжет и фабула произведения отражают существенные изменения в жизни российской деревни, герои сравнивают прошлое с настоящим, выделяя в воспоминаниях утраченные социальные возможности, тоскуя по ним и критически относясь к новым условиям существования.

В прошлом школа была в каждом хуторе, она обычно находилась на видном месте: – *А где школа была, ты помнишь? – спросил Корытин. – Возле клуба, – ответила Катерина.*

При приездах в хутор люди старались обязательно зайти в школу, повстречаться с учителями и одноклассниками: *Катерина шла мимо, направляясь к школе. Конечно, сейчас – каникулы. Но кто-то в школу приходит, и можно встретить старых педагогов, подруг, в школе работающих.* Память о совместном обучении в школе сохранялась на всю жизнь: *Она поздоровалась и уже проходила мимо, да вдруг увидела старинную свою подругу: когда-то с ней в школе учились.* Обучение в школе было обязательным для всех детей, оно начиналось с 7-летнего возраста: *Мальчишка еще в школу не ходил, рыжий карапуз, а уж прилип к старому председателю.* В школе учились в течение 10 лет: *Десять лет отсидели за одной партой в школе.* Детям и их родителям предоставлялись различные социальные блага: *Детсадик бесплатно, в школе тоже бесплатно кормили.* Школа интенсивно занималась идеологическим воспитанием подрастающего поколения: *В пионерах, в комсомольцах выросли. Помнишь? Как стремились туда! Старались... Тимуровцы. Чтобы старым помогать. В школе отстающих подтягивать, чтобы звено не позорили, отряд.* В школе отражалась вся жизнь хутора, хранились свидетельства о достижениях его жителей: *В школе папкина фотография, большая. Там он со всеми наградами.* К школе необходимо было покупать детям одежду и обувь, что в новое время стало непосильным бременем для хуторян: *Хоть обувку с одежкой к школе купить; В школу не знаешь как собрать.* Сохранившиеся в сельской местности колхозы не способны решить все социальные нужды хутора: *Школа, детский садик, медпункт – все это нам, на колхозную казну.* Отраженные в этих контекстах семы показывают развитие значения слова *школа*, появление новых коннотативных компонентов, демонстрируют лингвокультурные характеристики лексем.

Лингвокультурным потенциалом обладают даже грамматические формы слов, предложно-падежное употребление существительных, что особенно ярко обнаруживается на фоне родственных языков. Так, в чешском языке используется творительный средства передвижения [22, с. 96], которому в современном русском языке соответствует предложный падеж с предлогом *на*: *От хутора до асфальта в станице – пятнадцать верст. Большую половину из них каждый день можно одолеть на тюринском тракторе: в кабине, на тележке. Тюрин никому не откажет, довезет до*

*бригады («Тюрин»); Тетя Нюра плавала на парходах уборщицей, потом поваром, прачкой, сначала одна, потом с мужем («Родительская суббота»); Бобылка Раиса, что прибилась к хутору лет пять назад, оказалась мужней, приезжали за ней на машине, зовут в семью, и мужик обещает не пить, потому что постарел, вот теперь и думай («Кудовая»).*

Сохраняется древний славянский творительный падеж в русском языке при указании на транспортное средство как орудие доставки чего-л.: *Два ли, три года назад притянул Алеша трактором ребристые молотильные катки с Евлампиевского хутора, с его руин. Вот и Алеша на них позарился, трактором приволок, потом оправдывался, что они лежат без дела («Сколь работы, Петрович...»); Они идут, обговаривая дела завтрашние и те, что впереди: надо привезти соломы, надо притянуть – тоже тюринским трактором – несколько хороших лесин из прибрежного займища, на дрова, надо... Много дел («Тюрин»); А своим транспортом сюда добираться далеко и накладно («На усадьбе»); А там и станица – рукой подать: пешком ли, другой попуткой («Тюрин»).*

Однако и в чешском языке используется конструкция *na + Local*, когда речь идет о передвижении на чем-то сверху: *na kopí, na kole.* В текстах Б.П. Екимова отмечены подобные примеры, свойственные русскому языку: *Вечером, уже в полутьме, на лошади скачет, остановится («Сколь работы, Петрович...»); Из займища на санках – тогда у него и трактора не было – возит и возит жерди («Тюрин»).* Имеются контексты с использованием различных единиц обозначения транспортных средств: *Высоченный просторный сеник, словно самолетный ангар, большие ворота, куда можно въезжать на лошадях, на машине, на тракторе с возом сена («На усадьбе»).* Русский язык не различает место расположения пассажира или груза – внутри и сверху транспортного средства, что при переводе этого отрывка на чешский требует использования разных предложно-падежных форм: *na koních, autem, traktorem.* Следовательно, для чешского языкового сознания важно указание на месторасположение объекта перевозки – сверху или внутри транспортного средства, тогда как для русских эти различия нивелируются, а на первый план выходит орудийное значение творительного падежа, которое в чешском языке не отделяется от творительного средства передвижения.

Разумеется, в наибольшей степени отражают лингвокультурные коннотации донские диалектные лексические и фразеологические единицы, которые щедро используются Б.П. Екимовым в произведениях для отражения казачьего быта, традиций, обычаев. Они столь умело вводятся писателем в художественную ткань, так уместны в повествовании, что при чтении не затрудняют понимание текста, вызывают у читателя уважение к народным традициям, эстетическое наслаждение, желание побольше узнать о жизни донских казаков. При составлении Словаря донских говоров Волгоградской области мы использовали материал из многих произведений Б.П. Екимова. Так, цитаты из рассказов и повестей донского писателя содержатся в словарных статьях *абрикосина, абы, абы-абы, адат, айданчики, аккуратничко, алилея, алырник, аль, амором, Анна (зимняя), арба, аред, аржанец, аря, атаманец, атаманский, аул, аюшки* и т.д. [19].

Однако коммуникативным потенциалом обладают не отдельные слова и выражения, а фрагменты текста, передающие лингвокультурное содержание. Не вдаваясь в споры по поводу соотношения терминов *сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, фразовый ансамбль, абзац, строфа, лексия* и др. [12; 15; 23], мы в данной статье будем использовать термин *текстема*, под которым понимаем фрагмент текста более объемный, чем предложение, имеющий прагматическое, смысловое, тема-рематическое, интенциональное и синтаксическое единство и отвечающий объективным параметрам членения текста. Возможно также рассмотрение текстемы как некоего инварианта, модели определенного класса текстов [18, с. 25], однако реальная классификация подобного рода единиц в языке сопряжена со столь сложным процессом структурирования, что делает всякие попытки в этом направлении малоперспективными (возможно, за исключением структурно несложных фольклорных текстов [17]).

Слова, фраземы живут в текстеме. Именно в ее составе раскрывается лингвокультурный потенциал диалектных лексем и фразем, их связи с другими единицами текста, отражаются национально-культурные характеристики, проявляется авторский стиль. Любой текст состоит из взаимосвязанных, пересекающихся, дополняющих друг друга текстем. Однако можно особо выделить текстемы с лингвокультурным содержанием, в которых сконцентрированно представлены народные цен-

ности, национальные приоритеты. Актуальные, значимые для диалектоносителей представления об окружающей действительности отражаются неизбежно в языке в виде концептуальных понятий, реализующихся, в первую очередь, на лексико-фразеологическом уровне диалекта [2, с. 51], единицы которого формируют лингвострановедчески значимые текстемы. В произведениях Б.П. Екимова содержится немало текстом, позволяющих увидеть картину мира донских казаков, их представления о жизненных ценностях.

В ряде рассказов писателя ярко, с уместными подробностями, аппетитно повествуется об особенностях казачьей кухни. На Дону казачки готовят *каймак*, о котором в других регионах России не знают или знают понаслышке. Это густые поджаренные пенки, снятые с топленого молока [19, с. 231]. Вот с какой любовью говорит Б.П. Екимов об этом блюде: *Спросите у русского человека, любит ли он каймак. В ответ чаще всего недоуменье: «Что это за штука?». Наверное, и вправду донской наш, казачий край – не Россия. Потому что свой народ, коренной ли, завзятый казачур или просто в наших краях поживший, тут же заулыбается, замасляется глазки, а губы сами собой причмокнут: «Каймачок...». И весь тут ответ. <...> Но конечно же за каймаком лучше пойти ли, поехать утром во двор, где держат коров и делают каймаки. На тот же хутор Камыши, он рядом. Надбежишь ко времени, хозяйка улыбается: «Сейчас буду снимать». Именно «снимать», каймаки снимаются. «Каймачный съем» называется. Один съем, два съема... Вот приносится с холода тяжелый казан или просторная кастрюля с молоком, и на твоих глазах деревянной лопаткой ли, ложкой снимается вершок – пышный, ноздреватый блин застывших топленых сливок, огромная пенка в густых подтеках, сочная и душистая. Одним словом, каймак. Благодарю хозяйку, расплачивайся и правься к своему базу утренний чай пить со свежим каймаком. Желательно с горячими пышками. Отламываешь горячей пышки кусок, наверх – холодный каймак, который тут же начинает плавиться, подтекать. Скорее в рот... Пахучая горячая хлебная плоть и холодок тающего на языке душистого каймака. Ешь – не уеишься. Не баловство, не лакомство – лишь каймак. Он в наших краях с детства до старости. Даже на поминках, после горячего хлеба, обязательно подают со взваром щедро намазанные каймаком пышки («Память лета»).*

Писатель рассказывает о специфике приготовления донских щей – жидкого казачьего кушанья на мясном бульоне с капустой, картофелем, томатом и др. [19, с. 682]: <...> а главная еда конечно же – щи. Не русские, а наши, донские щи. Это большая разница, как говорят у нас: и рядом не постановишь <...> Приготовить донские щи не больно просто <...> Щи, которые варят в срединной России, ту бледную немочь, посмеиваясь, называю я сиротскими щами или тюремными. Они и на погляд сиротские. Наши, донские, в тарелке ли, в миске, словно полыхают багряным ли, кумачовым огнем. А дух... <...> мясо выбирается обязательно с косточкой <...> зрелое: никакой телятины да ягнятины. <...> Вся заправка в конце приготовления должна хорошо протомиться на жару, стать крутой, потеряв влагу. <...> дают капусте повариться, чтобы стала мягкой, пять ли, десять минут и закладывают резаный картофель, а потом толченый из тех целиком сваренных картофелин, которые ждут своего часа. <...> Уже готовые щи надо с огня убрать, но дать на легком жару настояться хотя бы десять-пятнадцать минут. А уж тогда – крышку прочь! – являются миру и семье горячие донские щи («Летняя кухня»).

В рассказе «“Слухай сюда!..”, или Щи рыбные» Б.П. Екимов устами своего персонажа повествует об особенностях приготовления на Дону донских рыбных щей – жидкого казачьего кушанья, супа из вяленой рыбы с капустой, картофелем, томатом и др. (Там же): Донские рыбные щи – дело серьезное, но порой нынешней их варят не часто. <...> Настоящие наши рыбные щи, какие от веку. Ешь – не уеешься. <...> Рыбу чистят, потрошат, крупную пластуют. Солят, но не круто, как по весне, на вялку. День полежала в соли, сразу – на волю подвесили, чтобы обвинулась, на ветерке подсохла. И сразу ее – на противнях в русскую печь, на легкий жар постановят. Чтобы она запеклась до хруста. Вот это самая рыба для щей. Из печи ее вынули, в сапетку сложили и прямым ходом на подловку. Подвесили от мышей. <...> Достал с подловки рыбу, в жаровню поклат, водички туда плеснул, чтобы отволгла. А потом – томату, морковочки да лучку, как положено. Пошкворчит на малом жару, хорошо потомится. Щи сварятся, как обычные, постные: капуста, картошка. Сварились, закладываешь из жаровни рыбу. Пусть за-

кипит. И не спеши, нехай постоит в стороне, на легком жару. Рыбка размягчает, свой сок даст, там косточки и те станут едовыми. Настоится, такой из печи запах пойдет. Да Господи Боже мой... Такой сладкий дух....

Умеют и любят донские казаки вялить и коптить рыбу. Писатель – сам рыбак, хорошо разбирается в видах лодок, особенностях лова, в разновидностях донской рыбы, немало его рассказов посвящено рыбалке («Высшая мера», «В займище», «День до вечера», «Донос», «Пастушья звезда» и мн. др.), но и о вкусе вяленой рыбы он умеет так рассказать, то у любого читателя слюнки потекут: И Алёшиного синца разодрал, не выдержал. Серебристая тонкая шкурка. Под ней – розовая нежная мякоть, текучий жир, невеликая грудка икры в ястыковой пелене, прозрачные боковины с тонкими ребрышками, головка, плавники, брюшина – все едовое. Ешь, смачно вгрызаешься, сосеешь, причмокивая, и шумно нюхаешь, впиваешься глазами в сладкий кус. И жадно косишь на тот, что рядом. Нет, это – не еда, не утоление плоти, но праздник ее. Хороша рыба у Алеши Батакова, а уж осенний посол и вовсе сказка («Сколь работы, Петрович...»).

В «Словаре донских говоров Волгоградской области» большое место занимают слова, называющие постройки в усадьбе казака: курень, хата, флигель, круглый дом, протяжной дом, пятистенок, изба, вавилонь, стряпка, летница, летнушка, хатенка, хижка, баз, котух, клев, царай, анбар, хлебник, закорм, омшаник, плетневка, погребница, ягнятница, варок, саж и др. [19]. В творчестве Б.П. Екимова содержатся объемные неделимые контексты, в которых подробно и обстоятельно повествуется о казачьем жилье: Но виноват был еще и филоновский двор: просторное поместье, в котором жилой флигель занимал лишь малое место, а все остальное – скотьи сараи, стойла, базы, прибазники, закуты, рубленные амбарчики, клуни. Словом, поместье, в котором городской мальчонка забредал и терялся; находили его только по реву и не враз. А еще – немереный огород, просторная левада, полого стекавшая к речке. <...> Сумрачные лабиринты скотьих вертепов кончатся дверью, ведущей в «теплушку» – низкую просторную хату с глинобитным полом и печкой-«грубкой». Тут зимней порой, после окота, держали новорожденную малышню:

телят, ягнят, козлят. Когда-то здесь крыша поднималась от бляенья да мычанья. Из «тепушки» – ход в летнюю кухню-стряпку с просторною русской печью. Рядом – черная кухня, где на низких печурках в котлах грели воду, готовили поило и мешанку для скота и птицы. Чуть далее – птичники. Для кур, с насестами и гнездами, для гусей, для индюков, для уток. С лазами и выходами на базки, во двор и на волю. По летнему времени птица уходила на выгон, на воду – куда кому положено. А дальше свинарники, тоже с базами, где навек вросли в землю неподъемные корыта, вырубленные из дикого камня. Даже могучему борову их не перевернуть. Конюшня, навес для косилки и конных же грабель. А еще – мастерская с верстаками, наковаленкой. Рубленый амбар с плетневыми, мазаными закромами. Скотьи сараи, катухи, загоны, базы, птичники, службы стоят, подпирая друг друга и охраняя поместье, словно крепостная стена. Замишлый, камнем обложенный колодец, каменные корыта-поилки, тонущие в земле и траве, теплые от солнца. На них хорошо сидеть («На усадьбе»).

С пониманием, уважением и эксплицированной грустью относится писатель к труду простого донского народа. Описание непосильного, изнурительного труда, являющегося сутью жизни крестьянина, содержится в большинстве рассказов Б.П. Екимова. Некоторые контексты, передающие диалоги жителей донских хуторов, содержат в большом количестве диалектные единицы, но это не мешает повествованию, делает текст убедительным, придает ему подлинность:

– Везде нужны руки. Те же огороды у Проскуни, бывало, как на картинке: канавочки везде ровные. А земля? Грядочки – любо глядеть. А все труды. Копай, боронуй, сажай, с рассадой кохайся, как с дитем. А потом на все лето казня: гнись и гнись. Трава – дурняком лезет. Да всякая гадость. Откель чего и берется. Зеленый червяк, тля, черепашка, клопы зеленые... На помидорах, на перце, на луке... Какой только страсти Господь не посылает.

– Проскуня... такую игу несла... Сколь скотины, сколь птицы...

– Иван тоже моторный, заядливый: надо и надо... Ни дня, ни ночи... Ни лета, ни зимы... Все надо. А теперь – ничего не надо («На усадьбе»).

Борис Петрович исходил вдоль и поперек все балки, ложбины и теклины на Среднем Дону, знает заповедные уголки донской

земли и готов с обстоятельностью и яркими подробностями рассказывать о них читателю: День был пасмурный, ветреный. Казаюсь, что близок дождь. На хуторе пусто и скучно: в огородах, левадах – сухие плети огурцов да тыкв, почерневшие будылья другой сажанины; картошку давно выкопали. Редко у кого, в палисадах, сочно доцветают астры и распускаются голубые сентябрины, которых долог век: сначала они на воле будут цвести до самого снега, потом усердная хозяйка их пересадит в горшок и унесет в дом. Но это еще не скоро. Нынче – сентябрь.

На высоких окрестных холмах – рыжая шкура жухлой травы; а над водою зелень. Кудлатые старые вербы, могучие тополя. По их вершинам с гулом катят зеленые волны. А на земле покой («В займище»).

Помогают представить красоту и ширь донского края топонимы, которые хорошо известны писателю и с помощью которых он дает привязку своего повествования к конкретному месту. Эти единицы входят во многие тексты, являются смысловыми вехами в них [21], однако писатель составляет фрагменты текста, в которых топонимические единицы становятся центром повествования, позволяя увидеть особенности донской природы через онимический контекст. Многие из встретившихся на пути Б.П. Екимова гидронимов образованы от диалектных слов, имеют богатое лингвокультурное содержание: *Мой путь к озерам, далеким ли, близким, куда доберусь. Малые и Большие Куги, Шемаристое, Поплутное, Крестовка, Лубники, Свинорой, Большой и Малый Лопатин, Песчаненькое, Бурунистое, Сокори... Им счета нет. Лесистое займище и луга рассекают озера, словно три голубых ожерелья, по древним донским руслам, весною сливаясь протоками, старицами, по летнему времени обсыхая и рассыпаясь синими бусинами <...>*.


Лесная нехоженная дорога, попетляв, вывела на опушку к заливным лугам, к простору. Здесь – ветер, далекий осенний оком, а впереди – последний рубеж: Песчаненькое, Бурунистое, Лубники, Сокори, Клешни – озера, которые берегут займищную и луговую округу от подступающих сыпучих песков («В займище»).

Много лет ушло на составление «Словаря донских говоров Волгоградской области» – почти три десятилетия, наиболее интенсив-

но работа велась с 1997 г. Доработав в 2011 г. по настоянию Б.П. Екимова второе издание словаря, составители предполагали, что ими охвачен в основном весь лексический запас донского диалекта верховых и срединных казаков. Однако проводятся новые экспедиции в казачьи районы, появляются новые произведения донского писателя, и становится ясно, что необходимо продолжение работы над диалектным словарем, надо, видимо, готовить 3-е издание, поскольку народная речь непрерывна в своем развитии, и в творчестве Бориса Петровича Екимова она находит свое правдивое и полновесное отражение.

### Литература

1. Бельчиков Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики // *Язык: система и функционирование*. М., 1988. С. 30–35.
2. Брыкина Е.В. Диалект через призму лингвокультурологии // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкознание*. 2012. №2 (16). С. 51–56.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // *Словари и лингвострановедение*. М. : Рус. яз., 1982. С. 34–76.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М. : Рус. яз., 1980.
5. Екимов Б.П. Избранное : в 2 т. Волгоград : Комитет по печати и информации, 1998.
6. Екимов Б.П. Разветвленное древо: речь при получении Литературной премии Александра Солженицына. URL : <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200801713>.
7. Екимов Б.П. Рассказы // *Нов. мир*. 2006. №12.
8. Екимов Б.П. Родительская суббота: рассказы разных лет // *Роман-газета*. 2006. № 15 (1525).
9. Екимов Б.П. Не забудь // *Нов. мир*. 2012. №1.
10. Екимов Б.П. [Памяти Фёдора Абрамова]. URL : <http://www.pravmir.ru/pamyati-fedora-abramova-ego-knigi-stali-russkoj-klassikoj>.
11. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ : Астрель : Харвест, 2006.
12. Жарикова М.В. Текстема и речевой жанр (на примере анекдота) // *Східнослов'янська філологія: зб. наук. праць / редкол.: С.О. Кочетова (відп. ред.) та ін. Горлівка : Вид-во ГДППМ, 2009. Вип. 16.*
13. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. 3-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 2006.
14. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). Волгоград : Перемена, 1998.
15. Левковская Н.А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем // *Филол. науки*. 1980. №1. С. 35–40.
16. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М. : Наука, 1991.
17. Садова Т.С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.
18. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава : Довкілля, 2006.
19. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брыкина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011.
20. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка: Читано на акте императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1849 г. М. : Учпедгиз, 1959.
21. Супрун В.И. Ономастические вехи в учебном тексте // *Современные технологии обучения в гуманитарном вузе : материалы межвуз. конф. Вып. 9 : Проблемы учебного текста в обучении русскому языку как иностранному в гуманитарном вузе*. СПб. : Изд-ние С.-Петерб. гуманитар. ун-та профсоюзов, 1994. С. 64–65.
22. Творительный падеж в славянских языках / под ред. С.Б. Бернштейна. М. : Изд-во АН СССР, 1958.
23. Selmistraitis L. Текстема как единица текстового уровня (Tekstema kaip teksto vienetas) // *Žmogus ir žodis: Vilniaus pedagoginis universitetas*. 2003. Vol. 3. №3. P. 48–53.



### *Don Cossack linguistic culture in the works by B.P. Yekimov: for the writer's anniversary*

*There is considered the reflection in the creative work of a modern Russian writer B.P. Yekimov of the peculiarities of the linguistic culture of Don Cossacks. There are analyzed the text fragments (textemes) full of linguistic cultural contents, reflecting the urgent significant for dialect native speakers notions about the reality. There is characterized the role of B.P. Yekimov's creative work in the development of the dialect lexicography.*

Key words: *works by B.P. Yekimov, linguistic culture, Don Cossack dialect, texteme, big indivisible text, life values.*